

У.ДЖЕМС

ЧТО ТАКОЕ ПРАГМАТИЗМ?

OCR: [К. Дрягун](#)

<..> Прагматический метод - это прежде всего метод улаживания философских споров, которые без него могли бы тянуться без конца. Представляет ли собой мир единое или многое? - царит ли в нем свобода или необходимость? - лежит ли в основе его материальный принцип или духовный? Все это одинаково правомерные точки зрения на мир, - и споры о них бесконечны. Прагматический метод в подобных случаях пытается истолковать каждое мнение, указывая на его практические следствия. Какая получится для кого-нибудь практическая разница, если принять за истинное именно это мнение, а не другое? Если мы не в состоянии найти никакой практической разницы, то оба противоположных мнения означают по существу одно и то же, и всякий дальнейший спор здесь бесполезен. Серьезный спор возникает только в том случае, когда мы можем указать на какую-нибудь практическую разницу, вытекающую из допущения, что права какая-нибудь одна из сторон.

Взгляд, брошенный на историю этого учения, выяснит нам еще лучше, что такое прагматизм. Название это произведено от того самого греческого слова "прагма" (значит "действие"), от которого происходят наши слова "практика" и "практический". Впервые оно было введено в философию Чарльзом Пирсом (Peirce) в 1878 г. В статье под заглавием "How to Make Our Ideas Clear" ("Как сделать наши идеи ясными") ...Пирс указывал сперва, что наши убеждения (beliefs) суть фактически правила для действия; затем он говорит, что для того, чтоб выяснить смысл какого-нибудь утверждения, мы должны лишь определить тот способ действия (conduct), которое оно способно вызвать: в этом способе действия и заключается для нас все значение данного утверждения. В основе всех находимых нами между нашими мыслями (утверждениями) различий - даже самого тонкого и subtilного свойства - лежит следующий конкретный факт: ни одно из них не настолько тонко, чтобы выразиться как-нибудь иначе, чем в виде некоторой возможной разницы в области практики. Поэтому, чтобы добиться полной ясности в наших мыслях о каком-нибудь предмете, мы должны только рассмотреть, какие практические следствия содержатся в этом предмете, т.е. каких мы можем ожидать от него ощущений и к какого рода реакциям со своей стороны мы должны подготовиться. Наше представление об этих следствиях - как ближайших, так и отдаленных - и есть все то, что мы можем представить себе об этом предмете, - поскольку вообще это представление имеет какое-нибудь положительное значение.

В этом состоит принцип Пирса, принцип прагматизма. В течение двадцати лет он оставался никем не замеченным, пока я в докладе, прочитанном перед философским кружком профессора Гаусона в Калифорнийском университете, не воспользовался им и не применил его специально к религии. К этому времени (1898) почва была, по-видимому, подготовлена для восприятия нового учения. Слово "прагматизм" начинает широко распространяться, и в настоящее время оно пестрит на страницах философских журналов. Со всех сторон говорят о прагматическом движении, говорят иногда почтительно, иногда пренебрежительно, но редко с ясным пониманием сути дела. Ясно, что это название отлично подошло к целому ряду философских направлений, которым до сих пор не хватало общего имени, и что прагматизм пустил уже прочные корни.

Чтобы понять все значение принципа Пирса, надо научиться применять его в конкретных случаях. Несколько лет тому назад я заметил, что Оствальд, знаменитый лейпцигский химик, превосходно пользовался принципом прагматизма в своих лекциях по натурфилософии, хотя он и не называл его этим именем.

"Все виды реального, - писал он мне, - влияют на нашу практику, и это влияние и есть их значение (meaning) для нас. На своих лекциях я обыкновенно ставлю вопрос следующим образом: что изменилось бы в мире, если бы из конкурирующих точек зрения была верна та или другая? Если я не нахожу ничего, что могло бы измениться, то данная альтернатива не имеет никакого смысла".

Иначе говоря, обе конкурирующие точки зрения означают практически одну и ту же вещь, - и другого значения, кроме практического, для нас не существует. В одном напечатанном докладе Оствальда мы находим пример, хорошо поясняющий его мысль. Химики долгое время спорили о внутреннем строении некоторых тел, называемых "таутомерными". Свойства их, по-видимому, одинаково хорошо согласовались как с предположением, что внутри них находится в колебательном движении неустойчивый атом водорода так и с гипотезой, что они представляют собой неустойчивые смеси из двух тел. Завязался ожесточенный, не приведший ни к чему определенному спор. "Спор этот, - замечает Оствальд, - никогда бы и не начался, если бы спорившие спросили себя, какая окажется на опыте разница, если допустить, что верна та или иная точка зрения. Тогда бы ясно обнаружилось, что никакой такой фактической разницы не может получиться, и оказалось, бы, что весь этот спор столь же нереальный и мнимый, как препирательство каких-нибудь первобытных людей о том, благодаря кому подымается тесто, благодаря ли эльфам или гномам".

Любопытно видеть, как теряют все свое значение многие философские споры, раз только вы подвергнете их этому простому методу испытания и спросите о вытекающих из них практических следствиях. Не может быть разницы в одном каком-нибудь пункте, которая бы не составила разницы в каком-нибудь другом, - не может быть разницы в абстрактной истине, которая бы не выразилась в конкретных фактах и в вытекающем отсюда для кого-нибудь, как-нибудь, где-нибудь и когда-нибудь способе действия. Вся задача философии должна была бы состоять в том, чтобы указать, какая получается для меня и для вас определенная разница в определенные моменты нашей жизни, если бы была истинной та или иная формула мира. В прагматическом методе нет ничего абсолютно нового. Сократ был приверженцем его. Аристотель методически пользовался им. С помощью его Локк, Беркли и Юм сделали многие ценные приобретения для истины. Шэдуорз Ходжсон настойчиво повторял, что действительность есть лишь то, за что она "признается". Но все эти предшественники прагматизма пользовались им лишь случайно, урывками: это была как бы прелюдия. Только в наше время метод прагматизма приобрел всеобщий характер, осознал лежащую на нем мировую миссию и заявил о своих завоевательных планах. Я верю в эту миссию и эти планы и надеюсь, что под конец воодушевлею вас своей верой.

Прагматизм представляет собой отлично знакомое философское направление (attitude) - именно эмпирическое направление, - но он представляет его, как мне кажется, в более радикальной форме и при том в форме, менее доступной возражениям, чем те, в которых выступал до сих пор эмпиризм. Прагматист решительно, раз навсегда, отворачивается от целой кучи застарелых привычек, дорогих профессиональным философам. Он отворачивается от абстракций и недоступных вещей, от словесных решений, от скверных априорных аргументов, от твердых, неизменных принципов, от замкнутых систем, от мнимых абсолютов и начал. Он обращается к конкретному, к доступному, к фактам, к действию, к власти. Это означает искренний отказ от рационалистического метода (method) и признание господства метода эмпирического. Это означает открытый воздух, все многообразие живой природы, противопоставленные догматизму, искусственности, притязаниям на законченную истину. Прагматизм в то же время не выступает в пользу каких-нибудь определенных специальных выводов. Он только метод. Но полное торжество этого метода повлечет за собой колоссальную перемену в том, что я на первой лекции назвал "темпераментом" философии. Сторонникам ультра-рационалистического метода придется тогда плохо, как приходится плохо царедворцам в республиках или священникам ультрамонтанам в протестантских странах. Наука и метафизика сблизятся между собой и сумеют на деле работать дружно, рука в руку. Метафизика обыкновенно прибегала к довольно первобытному методу исследования. Вы знаете, что люди всегда имели склонность к запрещенной законом магии, и вы знаете также, какую роль в магии играли всегда слова. Дух, гений, демон, вообще всякая чистая и нечистая

сила, находятся в вашей власти, если только вы знаете ее имя или связывающую ее формулу заклинания. Соломон знал имена всех духов и благодаря этому держал их у себя в полном подчинении. Словом, мир всегда представлялся первобытному уму в виде своеобразной загадки, ключ к которой нужно искать в некотором всеозаряющем, приносящем власть, имени или слове. Это слово дает принцип мира, и владеть им значит, в некотором роде, владеть самим миром. "Бог", "Материя", "Разум" "Абсолютное", "Энергия" - все это подобные решающие загадку мира, имена. Раз вы их имеете, вы можете быть покойны. Вы находитесь тогда у конца своего метефизического исследования.

Но если вы оперируете прагматическим методом, вы никогда не увидите в подобном слове завершения своего исследования. Из каждого слова вы должны извлечь его практическую наличную стоимость (practical cash-value), должны заставить его работать в потоке вашего опыта. Оно рассматривается не столько, как решение, сколько как программа для дальнейшей работы, в частности, как указание на те методы, с помощью которых может быть изменена данная нам действительность.

Таким образом, теории представляют собой не ответы на загадки, ответы, на которых мы можем успокоиться: теории становятся орудиями. Мы не успокаиваемся в сладкой бездеятельности на теориях, мы идем вперед и сверх того при случае изменяем с их помощью природу. Прагматизм делает все наши теории менее тугими (unstiffens), он придает им гибкость и каждую усаживает за работу. По существу он не представляет ничего нового, и поэтому гармонирует со многими старыми философскими направлениями.

Так, например, с номинализмом он сходится в том, что постоянно обращается к частному, индивидуальному; вместе с утилитаризмом он подчеркивает практический момент действительности; с позитивизмом он разделяет презрение к словесным решениям, к бесполезным вопросам и метафизическим абстракциям.

Все это, как вы видите, анти-интеллектуалистические тенденции. Против притязаний и метода рационализма прагматизм и выступает в полном вооружении. Но он никогда не защищает - по крайней мере, в исходном своем пункте - каких-нибудь определенных специальных теорий. Он не имеет никаких догматов, не выставляет никаких особых учений; он имеет только свой метод. Как хорошо выразился молодой итальянский прагматист Папини, он расположен посреди наших теорий, подобно коридору в гостинице. Бесчисленное множество номеров выходит на этот коридор. В одной комнате вы найдете человека, пишущего атеистический трактат; в какой-нибудь другой человек молится на коленях о подании веры и силы; в третьей - химик исследует свойство тел; в четвертой - обдумывается какая-нибудь система идеалистической метафизики; в пятой - доказывається невозможность метафизики. Но коридор принадлежит всем; все должны пользоваться им, если желают иметь удобный путь, чтобы выходить и заходить в свои комнаты.

Таким образом прагматический метод отнюдь не означает каких-нибудь определенных результатов, - он представляет собой только известное отношение к вещам, известную точку зрения (attitude of orientation). И именно такую точку зрения, которая побуждает нас отвращать свой взор от разных принципов, первых вещей, "категорий", мнимых необходимостей, и заставляет нас смотреть по направлению к последним вещам, результатам, плодам, фактам. Сказанного довольно о прагматическом методе. Вы, может быть, найдете, что я скорее расхваливал его вам, чем разъяснял, но вскоре я покажу применение его на примере некоторых хорошо знакомых проблем, так что вы получите достаточно полное представление о нем. Но надо заметить, что слово прагматизм стали употреблять и в более широком смысле, имея в виду также некоторую теорию истины. <...>

Одна из наиболее успешно разрабатываемых в наше время отраслей философии - это так называемая индуктивная логика, т.е. изучение условий, при которых развивались науки. С некоторого времени все пишущие по этому вопросу стали обнаруживать замечательное единодушие в своем понимании того, что представляют собой законы природы и элементарные феномены (elements of fact), поскольку они выражаются в математических, физических и химических формулах. Когда были найдены первые математические, логические и физические единообразия - первые законы - то исследователи были так поражены получившейся красотой, простотой и ясностью результатов, что поверили, будто они раскрыли

подлинные мысли Всемогущего. Оказалось, что его дух также проявляет себя в грандиозных силлогизмах. Оказалось, что и он мыслит в конических сечениях, квадратах, корнях и пропорциях. Он занимается геометрией, подобно Эвклиду. Он сделал то, что планеты в своем движении подчиняются кеплеровым законам; он сделал то, что скорость падающих тел растет пропорционально времени; он сделал то, что лучи света при преломлении подчиняются закону синусов; он создал классы, порядки, семейства и роды животных и растений и установил между ними неизменные различия. Он мыслил архетипы всех вещей и предначертал их изменения. И когда мы теперь сызнова открываем какое-нибудь из этих удивительных его предначертаний, мы улавливаем подлинные намерения его духа.

Но вместе с дальнейшим развитием науки стала укрепляться мысль, что большинство - а, может быть, и все - наших законов природы имеют только приблизительный характер. Кроме того, сами законы стали так многочисленны, что их даже невозможно и сосчитать. Во всех областях науки имеются кроме того многочисленные конкурирующие формулировки законов, и исследователи мало помалу привыкли к мысли, что ни одна теория не есть абсолютно точная копия действительности, и что каждая из них может быть полезной с какой-нибудь определенной точки зрения. Огромное значение теорий заключается в том, что они суммируют старые факты и ведут к новым. Они представляют собой своеобразный искусственный язык, своего рода логическую стенографию, как кто-то назвал их, служащую нам для записи наших отчетов о природе. А все языки, как известно, допускают некоторую свободу в способе выражения, и к тому же в них имеются различные наречия.

Таким образом человеческий произвол изгнал из научной логики божественную необходимость. Если я назову имена Зигварта, Маха, Оствальда, Пирсона, Мильо, Пуанкаре, Дюгема, Рюйссена, то специалисты из вас легко поймут, какое направление я имею в виду и сумеют присоединить сюда еще другие имена.

Несомые на гребне этой научной волны появляются затем Шиллер и Дьюи со своим прагматическим объяснением того, что повсюду означает "истина". "Истина", учат они, означает в наших мыслях (ideas) и убеждениях то же самое, что она значит в науке. Это слово означает только то, что мысли (составляющие сами лишь часть нашего опыта) становятся истинными ровно постольку, поскольку они помогают нам приходить в удовлетворительное отношение к другим частям нашего опыта, суммировать их и резюмировать с помощью логических сокращений вместо того, чтобы следовать за нескончаемой сменой отдельных явлений. Мысль, которая может, так сказать, везти нас на себе.

Мысль, которая успешно ведет нас от какой-нибудь одной части опыта к любой другой, которая целесообразно связывает между собой вещи, работает надежно, упрощает, экономит труд - такая мысль истинна ровно постольку, поскольку она все делает. Она истинна, как орудие логической работы, инструментально. В этом заключается "инструментальная" точка зрения на истину, с таким успехом развиваемая в Чикаго (Дьюи), та точка зрения, что истина наших мыслей означает их способность "работать" на нас ("work"), с таким блеском возведенная в Оксфорде (Шиллером).

Дьюи, Шиллер и их сторонники дошли до этой общей теории истины, следуя просто примеру геологов, биологов и филологов. Решительный шаг в развитии и установлении этих наук был сделан плодотворной мыслью исходить из каких-нибудь простых, наблюдаемых в настоящее время в действии, процессов - как, например, денудация гор благодаря выветриванию, уклонение от родительского типа, изменение языка благодаря обогащению его новыми словами и новыми способами произношения - и затем обобщить их, применить их ко всем временам, получая таким образом огромные результаты от суммирования на протяжении многих веков мелких действий.

Тот доступный для наблюдения момент, который Дьюи и Шиллер выделили специально для своего обобщения, заключается в известном всем процессе, с помощью которого всякий отдельный человек приспособляется к нобыл< мнениям. Этот процесс повсюду и всегда один и тот же. У индивида имеется уже запас старых мнений, но случайно он наталкивается на новый опыт, вносящий в их среду элемент брожения. Например, кто-нибудь противоречит этим мнениям, или сам он в минуту размышления находит, что они противоречат друг другу, или же он узнает о фактах, с которыми они несогласимы, или в нем поднимаются желания,

которых они уже не могут удовлетворить. В результате, во всяком случае, получается внутренняя тревога, чуждая до сих пор духу индивида, тревога, от которой он пытается освободиться, изменяя свои прежние мнения. Он спасает из них столько, сколько только может, так как в вопросах верований и убеждений все мы крайне консервативны. Он пробует сперва изменить одно какое-нибудь мнение, потом другое (они ведь не одинаково поддаются изменению), пока, наконец, у него не блеснет какая-нибудь новая мысль, которую можно присоединить к старому запасу, произведя в нем минимальное нарушение, мысль, которая является как бы посредником между старым и новым опытом, весьма успешно и удачно соединяя их между собой.

Эта новая мысль признается тогда за истинную. Она сохраняет старый запас истин с минимумом изменений в нем - модифицируя его лишь настолько, насколько это требуется для возможности вмещения новой истины. Этот процесс модификации совершается по наиболее привычным, наиболее проторенным путям мышления. Гипотеза, слишком резко разрывающая с прошлым и нарушающая все наши предвзятые мнения, никогда не будет признана за истинное объяснение нового явления. Мы будем упорно искать до тех пор, пока не найдем чего-нибудь менее эксцентричного. Даже сильнейший переворот в убеждениях и верованиях человека оставляет не затронутыми значительнейшую часть его прежних взглядов. Время и пространство, причина и следствие, природа и история, весь ход собственной жизни человека остаются не подверженными действию подобных переворотов. Новая истина всегда посредник, всегда миротворец. Она сочетает старые мнения с новым фактом при минимуме пертурбаций и при максимуме непрерывности. В наших глазах всякая теория истинна прямо пропорционально ее успеху в разрешении этой "задачи на максимум и минимум". Но, разумеется, успех при решении этой задачи - вещь весьма относительная. Мы говорим, например, что какая-то теория в целом решает эту задачу удовлетворительнее такой-то другой; но слово "удовлетворительнее" относится здесь лишь к нам самим, различные люди будут и различно понимать эту удовлетворительность. Таким образом здесь все, до известной степени, пластично, неопределенно.

Теперь я вас попрошу обратить особенное внимание на роль, которую играют старые истины. Источником многих несправедливых обвинений, направленных против прагматизма, является то, что с этим обстоятельством не считаются. Значение этих старых истин - вещь первостепенной важности (*absolutely controlling*). Верность и уважение к ним это первый, а в большинстве случаев даже единственный принцип; ибо весьма часто, когда приходится иметь дело с явлениями, настолько новыми, что они требуют серьезного изменения в наших прежних мнениях, люди игнорируют эти последние целиком или же дурно обращаются с теми, кто стоит за них.

Вы, конечно, хотите услышать примеры, поясняющие этот процесс роста истины. Единственная трудность здесь - это изобилие материала. Простейший случай новой истины мы имеем, разумеется, тогда, когда к нашему опыту присоединяются новые виды фактов или новые отдельные факты старых видов. Это чисто количественное нарастание нашего опыта не ведет за собой никаких изменений в старых воззрениях. Дни следуют один за другим, и вносимое каждым из них новое содержание просто прикладывается к прежнему запасу. Само по себе это новое содержание не истинно; оно просто приходит, оно есть. Истина же это то, что мы говорим о нем, и когда мы говорим, что оно пришло, то истина и заключается просто в этой формуле прибавления.

Но часто приносимое новым днем содержание принуждает нас к модификациям. Если бы я начал вдруг издавать пронзительные крики и вести себя, как сумасшедший, на этой кафедре, это побудило бы многих из вас изменить свое мнение о ценности моей философии. В один прекрасный день появился "радий", как новое жизненное содержание, и одно время, казалось, вступил в противоречие с нашими основными воззрениями на закономерность явлений природы, закономерность, сформулированную в так называемом законе сохранения энергии. Когда увидели, что радий выделяет тепло в неограниченном количестве и словно выкладывает его из собственного своего кармана, то это показалось нарушением закона сохранения энергии. Что оставалось думать? Если бы допустить, что путем лучеиспускания радий высвобождает особую внутриатомную "потенциальную" энергию, о существовании которой до сих пор и не

подозревали, то принцип сохранения был бы спасен. Сделанное Рэмсеем наблюдение, что в результате лучеиспускания радия получается гелий, открывало дорогу для этой гипотезы. В настоящее время точка зрения Рэмсея всеми признается истинной: хотя она и расширяет наши старые понятия об энергии, но благодаря ей в прежних наших воззрениях произведены минимальные изменения.

Я не буду умножать примеров. Всякое новое мнение признается "истинным" ровно постольку, поскольку оно удовлетворяет желанию индивида согласовать и ассимилировать свой новый опыт с запасом старых убеждений. Оно должно одновременно охватывать собой новые факты и тесно примыкать к старым истинам, и успех его (как я только что сказал) зависит от моментов чисто личного, индивидуального свойства. При росте старых истин путем обогащения их новыми большую роль играют субъективные основания. Мы сами являемся составной частью этого процесса и подчиняемся этим субъективным основаниям. Та новая идея будет наиболее истинной, которая сумеет наиудачнейшим образом удовлетворить оба эти наши требования. Новая идея делает себя истинной, заставляет признать себя истинной в процессе своего действия, своей "работы". Она словно прививает сама себя к прежнему запасу истин, который таким образом увеличивается, подобно дереву, растущему благодаря действию нового отлагающегося слоя камбия.

Дьюи и Шиллер, идя дальше, обобщают это наблюдение и применяют его к самым старым слоям истины. И они тоже некогда были гибкими, пластичными. И они тоже были признаны истинными по субъективным (human) основаниям. И они тоже являлись посредниками между еще более древними истинами и такими, которые в то время представляли собой новые наблюдения. Чисто объективной истины - истины, при установлении которой не играло бы никакой роли субъективное удовлетворение от сочетания старых элементов опыта с новыми элементами, - такой истины нигде нельзя найти. Те основания, в силу которых мы называем вещи истинными, представляют собой также те основания, в силу которых они суть истинные, ибо "быть истинным" и значит только совершить этот акт сочетания.

Субъективное, человеческое, оставляет таким образом на всем свой след. Истина независимая; истина, которую мы только находим; истина, которую нельзя приспособить к человеческим потребностям; истина, одним словом, неискоренимая, неизменная - такая истина существует, разумеется, в изобилии, - или же принимается существующей мыслителями-рационалистами. Но в этом случае она обозначает лишь мертвую сердцевину живого дерева; ее существование означает лишь, что и истина имеет свою палеонтологию, свой срок давности, что она с годами службы окостеневаает, окаменеваает в глазах людей от одной только старости. Но как гибки еще, тем не менее, и древнейшие истины - это было наглядно показано в наши дни переворотом, происшедшим в логических и математических понятиях, переворотом, который, по-видимому, захватывает уже и физику. Старые формулы истолковываются теперь как частные случаи более объемлющих принципов, о современной форме и формулировке которых наши предки не имели даже ни малейшего представления.

Этой теории истины Шиллер дал название "гуманизм", но так как и для нее начинает входить во всеобщее употребление слово прагматизм, то я в настоящих лекциях и буду говорить о ней под этим именем.

Итак, прагматизм представляется, во-первых, - известным методом; во-вторых, известной генетической теорией истины. В дальнейшем темой наших бесед будут обе эти вещи.

Вы, вероятно, с изумлением узнаете, что на теории Шиллера и Дьюи посыпался град насмешек и издевательств. Весь рационализм в своем целом восстал против них. <...> Я упоминаю об этом лишь потому, что этот факт бросает много света на рационалистический темперамент, который я противопоставил темпераменту прагматизма. Прагматизм чувствует себя неудобно, неуютно вдали от фактов. Рационализм чувствует себя отлично лишь посреди абстракций. Все эти прагматические речи об истинах во множественном числе, об их пользе и приносимом ими удовлетворении, об успехе, с которым они "работают" и пр. - все это наводит человека интеллектуального склада на мысль о каких - то грубых, низкопробных подделках и суррогатах истины. Такие истины для него - не реальные истины. Такие суждения чисто субъективны. Объективная истина, напротив того, должна быть чем-то неутилитарным, высоким, утонченным, отдаленным, возвышенным, витающим над землею. Объективная

истина должна быть абсолютным соответствием между нашими мыслями и столь же абсолютной действительностью. Она должна быть тем, что мы обязаны мыслить безусловно. Условный характер того, как мы фактически мыслим, не имеет здесь никакого значения: это касается психологии. Долой во всех этих вопросах психологию, и да здравствует логика! Взгляните, как велик контраст между обоими этими духовными типами! Прагматизм применяется к конкретному, к фактическому, наблюдает истину за ее работой в отдельных случаях и затем обобщает. Истина для него - это родовое название для всех видов определенных рабочих ценностей в опыте. Для рационалиста она остается чистой абстракцией, перед голым именем которой мы должны почтительно преклоняться. В то время, как прагматист пытается показать обстоятельно, почему именно мы должны оказывать истине такое почтение, рационалист не в состоянии узнать тех конкретных фактов, из которых извлечена его собственная абстракция. Он обвиняет нас в том, что мы отрицаем истину. На самом же деле мы стараемся лишь точно объяснить, почему люди ищут истину и всегда обязаны искать ее. Человек абстрактного склада мысли буквально отпрядывает при виде конкретных фактов: *ceteris paribus*, он решительно предпочитает все бледное, призрачное, схематичное. Если бы ему предложили на выбор два мира, он непременно взял бы себе мир бесплотных схем, а не богатый и разнообразный мир конкретной действительности. Схема чище, яснее, благороднее.

Я надеюсь, что с дальнейшим ходом лекций прагматизм, благодаря своей конкретности и близости к фактам, сумеет завоевать ваши симпатии. В своей приверженности к фактическому он только следует примеру других наук, объясняя неизвестное через известное, уже наблюдавшееся. Прагматизм гармонически объединяет старое и новое. Он превращает абсолютно пустое понятие статического отношения "соответствия" между нашим духом и действительностью (позже мы разберемся в том, что, собственно, это значит) в доступное и ясное для всякого понятие о деятельном и многообразном взаимодействии между нашими частными мыслями и великим миром чужих опытов, в котором эти мысли играют свою роль и имеют свое значение.

<...> ...Я желаю сказать несколько слов в объяснение сделанного мной на предыдущей лекции утверждения, будто прагматизм сумеет объединить в одно гармоническое целое эмпирический склад мышления с религиозными потребностями человечества.

Вы помните, вероятно, мое замечание о том, что люди, которые по своему темпераменту являются горячими поклонниками фактов, отталкиваются от модной ныне идеалистической философии, обнаруживающей весьма слабую симпатию и интерес к фактической деятельности. Эта философия для них чересчур интеллектуалистична. Старомодный теизм с его Богом - небесным монархом, скроенным из кучи непонятных или нелепых "атрибутов", был довольно плох. Все-таки в этом тезисе еще чувствовался некоторый контакт с конкретной действительностью, пока он упорно держался за аргумент от наблюдаемой в природе целесообразности. Но с тех пор, как дарвинизм изгнал раз и навсегда телеологические концепции из умственного обихода представителей науки, теизм потерял и эту свою опору. Единственное представление о божестве, которое еще в силах завладеть воображением современника - это представление о некотором имманентном пантеистическом боге, действующем скорее в вещах, чем над ними. В наше время люди, ищущие философской религии, обыкновенно с большими надеждами обращаются к идеалистическому пантеизму, чем к старому дуалистическому теизму, хотя - надо заметить - и последний еще имеет довольно искусных защитников. Но, как я уже сказал на первой лекции, для людей, любящих факты, для людей эмпирического склада мысли, нелегко усвоить себе предлагаемую им здесь разновидность пантеизма. Это пантеизм абсолютистской марки, вскормленный на чистой логике, презирующий прах. У него нет никакой связи с конкретной действительностью. Абсолютный Дух - служащий ему суррогатом Бога - утверждается им как рациональная предпосылка решительно всех отдельных мышлений. Но он в высшей степени равнодушен к тому, что на самом деле представляют собой в нашем мире отдельные факты. Чем бы эти факты ни были, абсолютное есть их источник и начало. Как в баске Эзопа о больном льве, все следы ведут в берлогу Абсолютного, *no nulla vestigia retror-sum*. С помощью Абсолютного вы не можете пуститься в мир конкретной действительности. Исходя из своего понятия об

Абсолютном, вы не сумеете сделать ни одного сколько-нибудь значительного и важного для вашей жизни конкретного вывода. Конечно, Абсолютное внушает вам уверенность, что для Него, для его вечных путей мышления, все обстоит превосходно. Но затем оно оставляет вас и ваше конечное спасение на собственные ваши слабые силы.

Я, разумеется, далек от мысли отрицать все величие от этой концепции или отнимать у нее способность давать религиозное утешение целой категории весьма почтенных лиц. Но с чисто человеческой точки зрения нельзя спорить против того, что это учение страдает абстрактностью, отчужденностью от всего мирского. Оно вполне является продуктом того, что я рискнул назвать рационалистическим темпераментом. Оно пренебрегает нуждами эмпиризма. На место реального мира, с его богатством и многообразием, оно подставляет какую-то бледную схему. Оно утонченно - красиво, оно благородно в том дурном смысле, по которому быть благородным значит быть неспособным к черной работе. В этом действительном мире, полном грязи и пота, когда говорят о каком-нибудь мировоззрении, что оно "благородно", это, должно, по-моему, являться как бы презумпцией против истинности данного учения, своего рода философской дисквалификацией. Князя тьмы нам изображают в виде джентльмена; но Бог неба и земли - чем бы он ни был в других отношениях - во всяком случае не джентльмен. Нам здесь на земле, во прахе наших человеческих мук, его черная работа нужнее, чем нужно его величие на небесах.

Прагматизм, как он ни привержен фактам, отличается, однако, тем от обычного эмпиризма, что не тяготеет, подобно ему, к материализму. Больше того, он ничего не имеет против употребления абстракций, если ими пользуются лишь с той целью, чтобы лучше разбираться в конкретных фактах, и если они действительно ведут к чему-либо. Так как он принимает лишь такие выводы, которые вырабатываются совместно нашим духом и нашим опытом, то он не имеет априорных предубеждений против религии. Если окажется, что религиозные идеи имеют ценность для действительной жизни, то, с точки зрения прагматизма, они будут истинны в меру своей пригодности для этого. Что же касается вопроса о том, можно ли им приписать большую меру истинности, то решение его будет целиком зависеть от их отношений к другим истинам, которые тоже должны быть признаны.

Это положение можно применить к сказанному мной сейчас о теории Абсолютного, выдвигаемой трансцендентальным идеализмом. Я назвал это учение величественным и сказал, что оно доставляет религиозное утешение целой категории лиц, но в то же время я упрекал его в отчужденности от всего мирского и в бесплодности. Но, поскольку Абсолютное доставляет это утешение, оно, конечно, не бесплодно: оно имеет эту меру ценности; оно исполняет реальную, конкретную функцию. В качестве хорошего прагматиста я обязан был бы сам назвать Абсолютное "постольку" истинным, и я, не колеблясь, делаю это теперь. Но что собственно означает в данном случае выражение постольку? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны лишь применить к нему прагматический метод. Что имеют в виду верующие в Абсолютное, когда говорят, что эта вера доставляет им утешение? Ход их мыслей таков: раз в Абсолютном все конечное зло уже преодолено, то мы вправе - когда мы только этого захотим - рассматривать все временное и преходящее как потенциально вечное, мы можем с уверенностью уповать на исход его и, нисколько не греша, оставить все ненужные страхи и заботы о нашей конечной ответственности. Словом, они думают, что мы имеем право устраивать себе иногда, так сказать, духовные вакации (moral holiday), предоставить колеснице мировой истории катиться по собственной своей воле, с сознанием, что судьбы мира в лучших руках, чем наши, и что нам нечего в них вмешиваться.

Вселенная - это такая система, индивидуальные члены которой могут при случае отбросить от себя все тревоги, система, в которой имеют право на существование настроение беззаботности и духовные вакации: такова, если я не ошибаюсь, хотя бы часть того, что понимают под Абсолютным, - такова та крупная разница в наших конкретных опытах, в которой заключается его истинность для нас, - такова его ценность наличными, если истолковать его прагматически. Обыкновенный профан в философии, имеющий благоприятное мнение об абсолютном идеализме, не отваживается в своих представлениях об Абсолютном идти дальше этого. Абсолютное пригодно для него ровно постольку, - и это "постольку" само уже очень ценно. Поэтому он чувствует себя неприятно, когда мы с неверием говорим об Абсолютном, и не

обращает внимания на нашу критику, так как она имеет дело с теми сторонами идеалистической концепции, за которыми он не в состоянии следовать.

Если Абсолютное означает это - и только это, те кто будет в состоянии отрицать истину его? Отрицать его - это значит утверждать, что люди никогда не должны сбрасывать с себя заботы и устраивать себе вакаций.

Я хорошо понимаю, каким диким должно казаться каждому из вас утверждение, что какая-нибудь мысль "истинна" постольку, поскольку вера в нее выгодна для нашей жизни. Вы легко, конечно, согласитесь, что, поскольку мысль полезна, она хороша. Если то, что мы делаем с помощью какой-нибудь мысли, хорошо, те вы готовы будете признать, что и мысль сама хороша в той же мере, ибо, обладая ею, мы чувствуем себя лучше. Но не значит ли это, скажете вы, злоупотреблять смыслом слова "истина", если на основали! этого называть мысли также "истинными"?

Ответить исчерпывающим образом на этот трудный вопрос для меня, в данной стадии моего изложения, невозможно. Вы затрагиваете здесь центральный пункт нашего (т.е. Шиллера, Дьюи и моего собственного) учения об истине, и подробно анализировать его я сумею только в шестой лекции. Теперь позвольте мне лишь сказать, что истина - это разновидность благого, а не, как это обыкновенно думают, отличная от благого и соподчиненная с ним категория. Истинным называется все то, что оказывается благом в области убеждений, и благом вдобавок в силу определенных наглядных оснований. Вы, конечно, согласитесь, что если бы в истинных мыслях не было ничего хорошего для жизни, если бы знание их было положительно вредно, а полезными были бы только ложные мысли, то никогда не образовалось бы и не приняло бы характер догмы ходячее мнение, что истина божественна и драгоценна, и что обязанность каждого - стремиться к истине. В мире, подобном этому, нашим долгом было бы скорее бежать от истины. В нашем же действительном мире мы видим, что, подобно тому, как некоторые питательные вещества бывают не только приятны на вкус, но и хороши для наших зубов, нашего желудка, наших тканей, так и некоторые идеи не только приятны, как объекты мышления или как опоры для других, дорогих нам идей, но и полезны также в практической борьбе жизни. Если бы перед нами был какой-нибудь иной, лучший, образ жизни и если бы вера в какую-нибудь идею помогала нам вести этот образ жизни, тогда действительно было бы для нас лучше верить в эту идею, - исключая, разумеется, тот случай, когда вера в нее пришла бы в столкновение с другими, более важными, жизненными интересами.

"То, во что было бы для нас лучше верить!" Это звучит вполне как определение истины. Это очень похоже на то, как если бы сказать: "то, во что мы обязаны верить": а в этом определении никто из вас не найдет ничего дикого. Разве мы не обязаны всегда верить в то, во что для нас лучше верить. И можем ли мы-тогда на долго разлучить понятие того, что для нас лучше, от того, что для нас истинно?

Прагматизм дает на это отрицательный ответ, и я с ним вполне согласен. Вероятно, вы также с этим согласитесь, поскольку вопрос ставится в абстрактной, общей форме. Но у вас остается подозрение, что, если мы на практике будем верить во все, что хорошо для нашей личной жизни, то мы начнем снисходительно относиться ко всякого рода фантастическим измышлениям насчет этого мира и ко всякого рода сентиментальным суевериям насчет того мира. Ваше подозрение, несомненно, вполне основательно, и очевидно, что при переходе от абстрактной формулы к конкретной действительности происходит нечто, усложняющее положение вещей. Я сказал сейчас перед этим, что то, во что для нас лучше верить, истинно, исключая тот случай, когда эта вера приходит в столкновение с каким-нибудь другим жизненным интересом. Но в действительной жизни с какими жизненными интересами особенно легко способно прийти в столкновение какое-нибудь определенное частное убеждение? Очевидно, с жизненными интересами, вызываемыми другими убеждениями, если эти последние оказываются несовместимыми с первыми. Иначе говоря, величайшим врагом любой из наших истин является вся масса наших прочих истин. У истин необычайно могучий инстинкт самосохранения и желание истребить все то, что противоречит им. Моя вера в Абсолютное, основанная на сознании того блага, которое доставляет мне эта вера, должна, если можно так выразиться, пройти сквозь строй всех моих остальных истин. Допустим, что она истинна в том отношении, что дает мне духовные вакации. Тем не менее Абсолютное, как

я его понимаю - позвольте мне говорить откровенно и только от своего собственного имени - приходит в столкновение с другими моими истинами, и ради него я совсем не намерен пожертвовать доставляемой мне ими пользой. Может оказаться, что Абсолютное ассоциируется с такими логическими концепциями, к которым я отношусь враждебно, или же что оно запутывает меня в неприемлемые для меня метафизические парадоксы и т.д., и т.п. Но у меня уже и так довольно неприятностей в жизни и у меня нет никакой охоты прибавлять к ним новые, происходящие от разных логических несуразностей, связанных с теорией Абсолютного, - поэтому я лично и жертвую Абсолютным. Я тоже себе устраиваю духовные вакации, но, как профессиональный философ, я пытаюсь оправдать их, исходя из какого-нибудь другого принципа.

Если бы я мог ограничить свое понятие об Абсолютном только его функцией давать вакации, то оно, конечно, не пришло бы в столкновение с другими моими истинами. Но мы не в состоянии ограничивать таким образом своих гипотез. У них имеются еще добавочные признаки, и они-то именно и приходят в столкновение с накопленным запасом истин. Мое сомнение в Абсолютном означает собственно сомнение в этих добавочных признаках, ибо я вполне верю в закономерность духовных вакаций.

Теперь вы понимаете, что я имел ввиду, когда назвал прагматизм посредником и миротворцем и когда - заимствуя это выражение у Папини - сказал, что он делает наши теории "менее тугими". Действительно, прагматизм не имеет никаких предубеждений, никаких стесняющих свободное исследование догматов, никаких неизменных канонов и критериев. Прагматизм вполне свободен, открыт всему. Он считается со всякой гипотезой, прислушивается ко всяким аргументам. Отсюда, что следует, что в религиозной области он имеет огромное преимущество как перед позитивистским эмпиризмом с его антирелигиозной тенденцией, так и перед религиозным рационализмом с его исключительным тяготением к отчужденному от мира, благородному, простому, абстрактному.

Словом, прагматизм расширяет поприще для искания Бога. Рационализм прилепляется к логике и к небесам. Эмпиризм прилепляется к внешним чувствам. Прагматизм же готов остановиться на чем угодно, готов следовать за логикой или за чувствами и считаться с самыми скромными, самыми личными переживаниями. Прагматизм готов считаться и с мистическим опытом, если он имеет практические следствия. Он готов принять Бога, живущего в глубочайшей тьме личной жизни, если только окажется, что здесь возможно найти его.

Истиной прагматизм признает то, - и это единственный его критерий истины - что лучше всего "работает" на нас, ведет нас, что лучше всего подходит к каждой части жизни и соединимо со всей совокупностью нашего опыта, - причем ничего не должно быть опущено. Если религиозные идеи выполняют эти условия, если, в частности, окажется, что понятие о Боге удовлетворяет им, то на каком основании прагматизм будет отрицать бытие Божие? Для него это будет просто бессмыслицей, если признавать "неистинным" понятие, столь плодотворное в прагматическом отношении. Разве для прагматизма имеется какой-нибудь другой вид истины, как не подобное согласие с конкретной действительностью?